

П. Н. МИЛЮКОВ

<«...Я скоро научился считать его показное величие, его диктаторскую позу величайшим несчастьем для русской революции»>

После боевого столкновения блока и общественных организаций с правительством в ноябре и декабре 1916 года, январь и февраль 1917 года прошли как-то бесцветно и не оставили ярких воспоминаний. А между тем эти два месяца были полны политическим содержанием, оценить которое пришлось уже после переворота. Можно судить различно, был ли это эпилог к тому, что произошло, или пролог к тому, что должно было начаться; но это был, во всяком случае, отдельный исторический момент, который заслуживает особой характеристики. Его основной чертой было, что все теперь (включая и «улицу») чего-то ждали, и обе стороны, вступившие в открытую борьбу, к чему-то готовились. Но это «что-то» оставалось где-то за спущенной завесой истории, и ни одна сторона не проявила достаточно организованности и воли, чтобы первой поднять завесу. В результате случилось что-то третье, чего — именно в этой определенной форме — не ожидал никто: нечто неопределенное и бесформенное, что, однако, в итоге двусторонней рекламы, получило немедленно название начала великой русской революции. <...>

Между старой властью, ликвидировавшей саму себя, и властью, вновь созданной 2 марта 1917 года, имеется ли какое-либо юридическое преемство? Между ними прошла революция, и это обстоятельство, казалось бы, само по себе подсказывает отрицательный ответ. <...> Другое дело, как само Временное правительство смотрело на свою власть. <...>

Родзянко очень ошибался, полагая, что слабость Временного правительства зависела от того, что оно не возглавило себя Государственной думой. Он сам признает тут же, что это послужило бы лишь источником еще большего ослабления. Но его ошибка шла дальше. Он не понимал того основного положения социалистов, о котором я не раз упоминал здесь: по их теории, русская революция

должна была быть «буржуазной», и, сохраняя «чистоту риз», они принципиально не хотели входить в состав этого правительства. Мы их включили в состав нашего правительства как представителей левых фракций Думы, — и очень дорожили их участием.

Но Чхеидзе, председатель Совета рабочих депутатов, отказался. Керенский, товарищ председателя Совета, лично приглашенный, дорожил министерским постом, как козырем в своей игре, и, можно сказать, вынудил согласие Совета. «Трудовик», объявивший себя, когда понадобилось, с.-ром, он теперь готовился на роль «заложника революционной демократии» в стане «буржуазии» и принимал соответственные позы. Это место было ему нужно до зарезу. <...>

Однако в течение дня 2 марта петербургские настроения продолжали прогрессировать, и плану блока стала грозить опасность слева. Около 3 часов дня меня просили выйти к публике, собравшейся в колонной зале дворца, и объявить формально об образовавшемся правительстве. Я с удовлетворением принял предложение: это был первый официальный акт, который должен был доставить новой власти, так сказать, общественную инвестицию. Я вышел к толпе, наполнявшей залу, с сознанием важности задачи и с очень приподнятым настроением. Темой моей речи был отчет о выполненной нами программе создания новой власти. Слова как-то нанизывались сами собой; по окончании речи я ее записал и отдал журналистам. Речь была напечатана в очередных выпусках газет — и, увы, отметила исторический этап, который, в свою очередь, уже уходил в прошлое...

Среди большинства слушателей настроение было сочувственное — и даже восторженное. Но были в публике и принципиальные возражатели. Передо мной здесь митинговали левые. И с места в карьер мне был поставлен ядовитый вопрос: «Кто вас выбрал»? Я мог прочесть в ответ целую диссертацию. Нас не «выбрала» Дума.

Не выбрал и Родзянко, по запоздавшему поручению императора. Не выбрал и Львов¹, по новому, готовившемуся в ставке царскому указу, о котором мы не могли быть осведомлены. Все эти источники преемственности власти мы сами сознательно отбросили. Оставался один ответ, самый ясный и убедительный. Я ответил: «Нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам. На нее потом и ссылались, как на канонический источник нашей власти. Но тут же надо было оговориться. «Мы ни минуты не сохраним этой власти после того, как свободно избранные народом представители скажут нам, что они хотят на наших местах видеть людей, более заслуживающих их доверие». Увы, до этой минуты —

Учредительного собрания — нам не удалось установить преемства нашей власти: она размельчалась столькими дальнейшими переменами и приспособлениями, — пока не потонула в новом перевороте.

Нужно было затем рекомендовать собранию избранных революции. Я начал: «Во главе мы поставили человека, имя которого означает организованную русскую общественность, так неприемлемо преследовавшуюся старым правительством». Немедленно последовало с той же стороны возражение: «цензовую». Я ответил, в духе возражавших: «Да, но единственную, которая даст потом возможность организовать и другим слоям русской общественности». Ответ был — на свою голову; но он не мог не удовлетворить самых убежденных сторонников «стадиальности» русской революции. Я перешел к рекомендации отдельных членов правительства. Керенский, телефонировавший мне с утра о своем окончательном согласии, обошелся без рекомендации. С аплодисментами прошли всероссийски известные имена вождей думской оппозиции. Менее известные имена думских оппонентов старого правительства справа по финансовым и церковным вопросам, Годнева² и В. Львова, публика проглотила молча. Всего труднее было рекомендовать никому неизвестного новичка в нашей среде, Терещенко, единственного среди нас «министра-капиталиста». В каком «списке» он «въехал» в Министерство финансов? Я не знал тогда, что источник был тот же самый, из которого был навязан Керенский, откуда исходил республиканизм нашего Некрасова³, откуда вышел и неожиданный радикализм «прогрессистов», Коновалова⁴ и Ефремова⁵. Об этом источнике я узнал гораздо позднее событий... <...>

Мы, члены Думы, знали Керенского давно и были знакомы с его приемами его самовозвеличения. Он умел себя навязать вовремя. Мы не знали только, что из привычки это стало системой, и мне самому пришлось создать для него новый плацдарм, пригласив его занять пост министра юстиции. <...> В составе правительства он продолжал эти упражнения — на мне. <...>

Что касается моего отношения к Керенскому, я скоро научился считать его показное величие, его диктаторскую позу величайшим несчастьем для русской революции. Но В. Д. Набоков прав, что «личные (мои) чувства и отношения в ничтожнейшей степени отражались на (моем) политическом поведении; оно ими никогда не определялось. Совсем наоборот — у Керенского. Он весь был соткан из личных импульсов»... Когда дело дошло до моего ухода из правительства, именно Керенский в заседании правительства предоставил себе удовольствие объявить мне, что «семь членов» правительства решили (в моем отсутствии)

переместить меня в Министерство народного просвещения (заведомо неприемлемое для меня условие). Кто были эти «семеро»? Конечно, прежде всего «триумвират» Керенского, Некрасова и Терещенко. Затем двое правых, совершенно поработанных авторитетом Керенского, Влад. Львов и Годнев. Наверное, не приняли участия в этомговоре мои друзья к. д., Шингарев и Мануйлов⁶. Кто же были остальные двое (не считая Гучкова, уже ушедшего, и меня самого, десятого члена правительства)? Остаются А. И. Коновалов, личный и политический друг Керенского, потом перешедший к к. д., и... князь Львов, подчинившийся его влиянию и предоставивший Керенскому объявить мне общее решение. Это распределение голосов лучше всего характеризует степень и пределы влияния Керенского в правительстве первого состава. Не успев еще стать «сильной властью» в государстве, Керенский, несомненно, уже достиг сильной власти в правительстве. <...>

Действительно, в эти дни Керенский торжествует. 6–19 апреля на приеме этих депутатов в Мариинском дворце он открыто противопоставляет свой взгляд официальному мнению правительства, излагаемому мною. Я развивал мысль, что, «несмотря на переворот, мы сохранили главную цель и смысл этой войны» и что «правительство с еще большей силой будет добиваться уничтожения немецкого милитаризма, ибо наш идеал — уничтожить в будущем возможность каких бы то ни было войн». Этому пацифистскому взгляду Керенский противопоставил свой циммервальдский, открыто заявив притом, что он «один в кабинете» и его мнение не есть мнение большинства. «Русская демократия — хозяин русской земли», и «мы решили раз навсегда прекратить в нашей стране все попытки к империализму и к захвату... Энтузиазм, которым охвачена русская демократия, истекает... даже не из идеи отечества, как понимала эту идею старая Европа, а из идеи, что мечта о братстве народов всего мира претворится в действительность... Мы ждем от вас, чтобы вы в своих государствах оказали на остальные классы населения такое же решающее влияние, какое мы здесь оказали на наши буржуазные классы, заявившие ныне о своем отказе от империалистических стремлений». Всего курьезнее — и унижительнее для меня — было то, что я же был принужден переводить речь Керенского на английский язык для английских депутатов!

К этому же времени относился и упомянутый выше эпизод с фальсификацией Керенского, которую я заставил опровергнуть от имени правительства (14 апреля)⁷. Он форсировал положение, обещав печатно, что в ближайшие дни Временное правительство опубликует ноту к союзным державам, в которой разовьет подробнее свой взгляд на цели войны, чем это было сделано в декларации

28 марта⁸. Никакой ноты тогда я не подготовлял; но дым был не без огня. Керенский, очевидно, уже подготовил свой тыл и выступил не спроста. Вопрос об обращении к союзникам был поднят в самом правительстве, как предрешенный — и весьма спешный. Кто же стоял тут за Керенским и придавал ему смелость? Тогда я не мог знать об этом; но воспоминания Бьюкенена⁹ заставили меня прийти к заключению, что источником этим были переговоры за моей спиной в английском посольстве. Бьюкенен устроил у себя ряд совещаний с Керенским, Львовым, Церетели, Терещенко. Прекрасно образованный, владевший английским языком в совершенстве, притом очень ласковый и вкрадчивый в манере разговора, Терещенко был в фаворе у Бьюкенена. Он служил переводчиком для других. Союзники нуждались от России в продолжении войны, Палеолог сомневался в возможности этого, Бьюкенен был не менее пессимистичен; но — отчего не попробовать? Керенский обещал возродить «энтузиазм» армии! Он давал так много разных обещаний раньше и позже.

Отчего не дать это, — когда оно было в порядке дня, служило к продвижению его карьеры и соответствовало, как он был уверен, его талантам? Я могу ошибаться в нескольких днях относительно даты этого заверения; но что оно было дано собеседниками, — и дано именно как условие перемены в правительстве, — это доказывается последовавшими событиями. Керенский при этой перемене намечался в военные министры вместо Гучкова, Терещенко — в министры иностранных дел вместо Милюкова. Оба ненавистные «демократии» министра должны были оставить свои посты. Было ли это условлено вчерне или окончательно, сказать трудно; но это было условлено именно в эти две-три апрельские недели. <...>

Лидеры главных социалистических партий не пошли в состав образовавшейся буржуазно-социалистической власти. Но Керенский был уже внутри нее — и на этот раз с невымученным мандатом партии. Церетели принес себя в жертву, согласившись принять в министерстве второстепенный пост министра почт и телеграфов.

М. И. Скобелев, нехитростная душа и верный исполнитель партийных поручений, был также откомандирован партией. А. В. Пешехонов¹⁰, интеллигент, мой старый друг, человек с талантом, знаниями и темпераментом, давно успокоился на правом фланге социализма и мог только украшать место своим сотрудничеством.

Пятый, В. М. Чернов¹¹, навязывался по необходимости: он был шефом — там, где сам Керенский был только новичком; и его нельзя было оставить за кулисами. Так собралось «пятеро министров-социалистов»: довольно пестрый состав социалистической группы. Вначале они

могли казаться как бы только придатком к основному, центральному созвездию, для которого собственно и клеилась коалиция. Центральное ядро, получившее название «триумвирата», действительно, держало в руках все руководство деятельностью «коалиции». Оба министра, военный и иностранный, входили по соглашению с союзниками; в качестве третьего к ним присоединился — наш к. д. Некрасов, человек ловкий и гибкий, сумевший вовремя сблизиться и занять все возможные места при «любимце времени», — личного советчика, секретаря, информатора, посредника в сношениях с печатью, сочинителя проектов, заместителя, — словом, быть всем и ничем, стать человеком необходимым. Ни слабый премьер, ни даже А. И. Коновалов, личный друг Керенского, в этот теснейший круг не входили. <...>

Россия была уже не первый год затоплена пропагандой пораженчества. Съезд офицеров армии и флота в ставке подвел этой пропаганде ужасающий итог. Керенский это знал, конечно, когда 29 апреля произносил перед фронтовым съездом свои известные слова: «Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов!.. Я жалею, что не умер два месяца назад. Я бы умер с великой мечтой, что... мы умеем без хлыста и палки... управлять своим государством». Теперь эта истерика обернулась... энтузиазмом: единственное средство, остававшееся в распоряжении военного министра «революционной демократии». На самых высоких нотах своего регистра он кричал толпам солдат с свободной трибуны, что вот он, никогда не учившийся военному делу, пошел командовать ими; что, ведя их «на почетную смерть на глазах всего мира», он «пойдет с ружьем в руках впереди» их (со ссылкой на «товарищей с.-р.ов»). Истошным голосом он выкрикивал слова: свобода, свет, правда, революция — и очень много напоминал им о долге, о дисциплине, — о том, что они... «свободные люди». Солдаты кричали в ответ: «пойдем», «докажем», «не выдадим». Что происходило за линией, до которой долетали отдельные восклицания министра, оставалось, конечно, неизвестно. Было бы, однако, несправедливо не отметить, что между ближайшим окружением Керенского и толпой любопытствующих создалась прослойка энтузиастов, действительно увлекшихся идеей наступления, как из офицерских, так и из левоинтеллигентских кругов — и вообще из молодежи. Из этих кругов вышли «комиссары» и «председатели комитетов» Керенского. <...>

